

Глава 1

Де Рейн, март 1654 г.

Даже спустя неделю после похорон я чувствую в первую очередь облегчение. Понимаю, что этому нет оправдания, что мне следовало бы горевать, но не могу.

Скрестив руки на груди, я стою у двери с распахнутой верхней створкой и смотрю невидящим взглядом вдаль, на окружающие ферму луга и поля.

Всего этого вообще не должно было произойти. Возвращаясь мыслями в прошлое, я не понимаю, что на меня нашло в ту ночь, год назад. На протяжении многих лет я относилась к Говерту как к любому другому деревенскому парню, не обращая на него особого внимания. Просто-напросто не думала о нем. И не потому, что он был некрасив, — его даже можно было назвать привлекательным. Впервые я заметила это на ярмарке, когда он потянул меня танцевать и прижал к себе. Я была немного пьяна, конечно же, но не настолько, чтобы не осознавать, насколько его тело близко к моему, как тяжело он дышит и как осторожно держит меня своими сильными руками.

В каждом повороте мы соприкасались бедрами, и, пока мы лавировали между другими парами, он все крепче прижимал меня к себе. Это опьяняло еще больше. Я догадалась, что он в меня влюблен и что в том, как он, бывало, хмурил брови, неотрывно глядя на меня при встрече, выражалось не недовольство, а желание.

Неужели меня покорило его внимание ко мне? Или же, отказав многим женихам в надежде найти кого-то получше, я боялась остаться одна? А может, я и вправду влюбилась в него в тот момент?

Когда он крепко взял меня за руку и потянул за собой в укромное местечко в саду, я не сопротивлялась.

Спустя несколько месяцев, узнав, что я беременна, Говерт обрадовался и сразу же предложил пожениться. Он был неплохой партией: вдовец, около сорока лет и не без средств, но все же не совсем то, чего я желала.

Однако выбирать не приходилось. Один необдуманный поступок на ярмарке, один миг полного помутнения сознания — и мое будущее предопределено. Прощайте, мечты, прощай, шанс выбраться из деревни и начать новую жизнь.

Самое страшное, что я никак не могла вспомнить, что же такого я нашла в нем в ту ночь. Как бы то ни было, на следующее утро от этого не осталось и следа.

Спустя месяц мы поженились, а еще через шесть недель моя беременность окончилась преждевременными родами. Ребенок, мальчик, родился мертвым. С того дня прошел уже год.

Теперь и Говерт покоится в холодной темной земле. Единственное зеркало в доме развернуто к стене, и вот уже вторую неделю закрыты ставни. Сегодня я их наконец открываю. Радуюсь тому, как утренний свет разливается по комнате. В гостиной, где в течение нескольких дней было не протолкнуться от соболезующих, непривычно тихо. Я живу в Де Рейпе всю жизнь, и поддержка родных, друзей и соседей в эти дни согревала мне душу. Только родственники мужа никак не проявились. Наверное, им тяжело смириться с тем, что после года брака с Говертом я унаследовала все его имущество. Я их понимаю, но что уж поделаешь. Видит Бог, это наследство я заслужила.

Я окидываю взглядом комнату — от круглого стола у окна до очага и мебели, которую разрисовала сама. На каменные плитки пола падает солнечный свет, но тепла от него немного: еще только начало марта. Дым от камелька поднимается вверх, к балкам, на которых подвешены колбасы и шпик, а затем идет на чердак, где еще осталась половина припасов на зиму.

Непривычно, что весь дом в моем распоряжении, но задумываться об этом некогда. Работа не ждет, и теперь, без Говерта, ее еще больше.

Несмотря на то, что у меня есть служанка и работник, дел приходится много и на мою долю. Дни недели ничем не отличаются друг от друга. Я дою коров, задаю корм свиньям и курам, вожусь в огороде, взбиваю масло и делаю сыр. Оставшееся время уходит на стирку

и починку белья, на то, чтобы прясть и ткать, и иногда немного на рисование.

Порой, взглянув на отполированный до зеркального блеска бок медного котелка, в отражении я словно вижу свою маму: заплетенные косы убраны под белый чепец. Мама всегда чем-то занята, всегда уставшая. Мне двадцать пять, но я чувствую себя такой же старой, как она.

Потерпи еще немного, говорю я себе по дороге к хлеву. Траур длится всего шесть недель, ничего страшного.

Якоб, мой работник, уже начал доить коров. Он молча приветствует меня, вздернув подбородок. Я киваю ему в ответ.

— Я собираюсь наняться к Абраму Груну, — произносит он, когда я усаживаюсь на табуретку.

— Отлично.

— Вот только Яннет еще не нашла себе нового места.

— Найдет. Не здесь, так в Графте.

Какое-то время мы доим молча. Руки работают споро, молоко брызжет в ведро.

— Когда вы уезжаете? — вдруг спрашивает Якоб.

— Как только все продам. Аукцион на следующей неделе.

Якоб кивает.

— Яннет взяла бы себе маслобойную кадку. Так она сможет взбивать свое собственное масло.

— Не выйдет. Кадку я уже обещала матери.

— Вот как. Жаль.

Якоб вытаскивает ведро из-под коровы и выпрямляется. Стоит, будто хочет что-то сказать. Я смотрю на него вопросительно.

— Тут... это... насчет хозяина...

— Что такое?

— Его брат болтает всякое.

Я прекращаю доить.

— Что именно?

Якоб медлит.

— Ну говори же, Якоб.

Мой голос звучит резко, в нем сквозит нетерпение.

— Думаю, вы и сами знаете, — отвечает он и уходит.

Вчера я сделала из пахты процеженный творог. Сегодня за обедом я намазываю кислотоватую массу на кусок ржаного хлеба. Якоб и Яннет сидят за столом вместе со мной. Все мы погружены в собственные мысли и не особо разговариваем.

После обеда я оставляю хозяйство на работников, а сама надеваю уличную обувь и поднимаюсь на дамбу, ведущую в Де Рейп. Моя ферма находится на обводном канале вокруг польдера* Бемстер, посреди болотистой низины. Чтобы добраться до дома родителей, мне нужно попасть на другую сторону деревни, и быстрее всего будет пройти через центр. Через Восточный предел я выхожу

* Польдер (нид. polder) — осушенный участок низменных заболоченных морских побережий. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

на Прямую улицу, где убогие постройки вскоре сменяются просторными домами с фасадами, выкрашенными в красный или зеленый. Ближе к середине деревни стоит даже несколько каменных домов со ступенчатыми щипцами* — такое впечатление, что их сюда занесло случайно.

Я то и дело здороваюсь со знакомыми, и они нерешительно приветствуют меня в ответ. Они что, меня сторонятся? Шепчутся у меня за спиной?

Оказавшись на Малой плотине, где расположена Весовая и люди снуют туда-сюда, я больше не могу обманывать себя. Да, на меня и впрямь все глазают и перешептываются между собой за моей спиной. Лишь единицы подходят с вопросами, как у меня дела и правда ли, что я уезжаю.

Жители Де Рейпа гордятся своей деревней, где их семьи живут уже в течение нескольких поколений. Им и помыслить страшно об отъезде, здесь это почти что преступление. Но меня всегда считали чужаковатой, так что мои планы не должны их сильно удивить.

— Тот комод, который ты так красиво расписала, тоже будешь отдавать? — На меня с интересом смотрит скупщица Сибриг. — Я бы забрала.

— На следующей неделе будет аукцион, — отвечаю я с извиняющейся улыбкой и иду дальше.

* Ступенчатый щипец — верхняя часть фасада, фронтон, оформленный в виде сходящихся лесенок.

Я сворачиваю на узкую Церковную улицу и выхожу из деревни. Вдали уже виднеется родительская ферма. Я добираюсь до размытой грязью дороги и ускоряю шаг.

— Мартин давеча приходил.

Склонившись над водокачкой, мама моет бидоны из-под молока. Освещенное тусклым зимним солнцем, ее лицо кажется изможденным и старым, а выпрямившись, она хватается за поясицу.

— Он хотел поговорить с тобой, но так расшумелся, что я его выпроводила.

Я беру бидон и ставлю его под струю воды.

— Услышал, что ты уезжаешь, Катрейн. Разозлился.

— С чего бы? Это мое дело.

— Да, но так быстро, сразу после похорон? Это многим кажется странным. Ну вот зачем тебе в Алкмар? У тебя есть ферма, скот, все теперь твое. От женихов отбоя нет. Вот, к примеру, Геррит. Объедините свое имущество и будете богаты.

— Я уезжаю в город.

— Чтобы служить там экономкой. А здесь была бы сама себе голова.

Я вздыхаю.

— Мы уже много раз говорили об этом, мама. Я не всегда буду экономкой. Скоплю денег, выйду замуж и останусь жить в городе.

— Да уж, ты всегда этого хотела. Еще совсем крошкой ты любила ездить с нами в город, когда мы возили сыр на рынок. Я этого никогда не понимала, да и, кроме

тебя, никто туда не просился. Четыре часа в одну сторону, четыре часа в другую. И всё по воде. Только ради того, чтобы немного побыть в городе.

— А еще я плакала, когда пора было уезжать оттуда. Мы смотрим друг на друга и улыбаемся.

— Что ж, поступай как знаешь. Ты уже не маленькая девочка, я не могу тебя удержать, — говорит мама после короткой паузы. — Вот только...

В наступившей тишине я выжидательно смотрю на нее.

— Что?

— Люди болтают...

— В деревне всегда болтают, поэтому я и хочу отсюда уехать. У меня все эти пересуды да сплетни уже в печенках сидят!

На мамином лице появляется смиренное выражение.

— Я буду по тебе скучать, — говорит она. — Но, может, тебе и впрямь лучше уехать.

Глава 2

Неделю спустя я распродаю свое имущество. Ферму и землю мы с Говертом арендовали, но скот и домашний скарб принадлежали нам самим. Во время аукциона, устроенного в амбаре, я наблюдаю, как мои пожитки переходят в чужие руки. Мне достается неплохая выручка: чуть больше ста гульденов. На эти деньги можно жить первое время и даже открыть собственное дело. Например, заняться росписью глиняной посуды. Это моя давняя мечта. Еще в детстве я украшала мебель узорами из свекольного сока. А потом начала использовать настоящую краску, и мне стали поступать заказы от зажиточных крестьян и именитых жителей деревни, для которых я расписывала комоды и жаровни для обогрева ног.

— Это похоже на знаменитую роспись из Хинделопена, — однажды заметил Корнелис Винк, нотариус. — У тебя талант, Трейн*. Ты могла бы и в городе продавать свои работы.

* Сокращенная форма имени главной героини Катрейн — Трейн, с уменьшительным суффиксом — Катрейнтье.

— Не выйдет, господин нотариус. Я ведь не член гильдии, — ответила я.

— На ежегодной ярмарке негорожанам разрешено торговать всем чем угодно. Главное, чтобы они не открывали своего дела.

И тогда я начала в редкие свободные минуты расписывать тарелки и табуретки — и они действительно хорошо продавались на ярмарке.

С тех пор я загорелась идеей переехать в город.

Из всех, кого я знаю, лишь несколько человек уехали из Де Рейпа: это были молодые парни, подавшиеся в матросы на судна Ост-Индской компании или занявшиеся китобойным промыслом. Одна девушка из Графта, соседней деревни, нашла себе место экономки в Алкмаре, и я тоже рассматриваю такой вариант. Конечно, работа прислугой не из легких, но мне хотя бы не придется жить посреди глины и тростника. В городе происходит все самое интересное, там кипит жизнь, там полно развлечений — и я хочу быть частью этого. От своих друзей Мелиса и Брехты, живущих в Алкмаре, я узнала, что одному богатому горожанину требуется экономка. Недавно, приехав в город на сырный рынок, я заодно дошла до Старого канала и предложила свои услуги. К моему удивлению и радости, меня сразу же наняли.

Стоя посреди пустого амбара, я смотрю, как утренний свет падает на глиняный пол. Все имущество, которое тут

было сложено, унесли новые владельцы. У меня осталась лишь одежда да несколько украшений.

На дворе в утреннем тумане ждут братья и родители. Как единственная выжившая дочь я всегда могла рассчитывать на поддержку и защиту родных, но по лицам братьев я вижу, что мое решение покинуть деревню им совсем не по душе. Между старшим, Дирком, и младшим, Лау, целая пропасть в возрасте: у мамы было несколько выкидышей, а все прочие наши братья и сестры умерли. Может быть, именно поэтому мы с Лау так близки: на нас возлагалась надежда, что мы восполним эту утрату.

Прощание длится недолго. Я всех обнимаю, родителей дольше всего. Лау как раз едет в Алкмар по делам и составит мне компанию. Это нелишне, учитывая, сколько у меня при себе денег.

— Скоро увидимся, — говорит отец. — На следующей неделе я повезу товар в Алкмар.

— Хорошо, пап. Ты знаешь, где я поселюсь.

Последний поцелуй, последние объятия, и мы расстаемся. Лау берет под мышку мешок с моими вещами, и мы поднимаемся на Восточную дамбу, ведущую к причалу. Я пару раз оборачиваюсь и машу родным рукой. Меня охватывают разные чувства, но сожаления среди них нет.

Путь до Алкмара долгий. Сидя посреди ящиков и корзин и прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, мы скользим взглядом по проплывающему мимо пейзажу.

Тяжело груженный скиф* движется не очень быстро, но я привыкла. Этот путь я проделывала уже много раз и знаю каждый изгиб реки, каждую деревушку на берегу. На некоторых отрезках ветер вовсе стихает и мы почти перестаем продвигаться, так что лодочнику приходится браться за шест. Он наваливается на него всем весом, загоняет его в илистое дно и толкает судно вперед.

Я то и дело указываю брату на берег, болтая о том, что привлекло мое внимание, но он не очень-то разговорчив.

— Ты ведь уже не вернешься? — спрашивает Лау, когда я почти отчаялась завязать беседу.

— Конечно, вернусь. Буду иногда приезжать.

— Я бы на твоём месте не стал надолго задерживаться в Алкмаре. Мартин настраивает против тебя всю деревню.

— Ему верят?

— Не знаю. — Лау ненадолго замолкает, а потом продолжает: — Ты можешь уехать в Харлем или Амстердам.

Теперь замолкаю я.

— Так далеко? — выговариваю я наконец.

— Ну, не так уж это и далеко. Я хочу сказать, Трейн, что ты не должна думать о нас. Если в другом городе тебе... будет лучше, то уезжай. Мы знаем, что то, что о тебе болтают, неправда, но остальные не так в этом уверены.

— Нужно было дольше носить траур, дольше плакать.

* Скиф (нид. schuit) — традиционное голландское маломерное судно.

Я поднимаю глаза на брата.

— Как ты думаешь, радоваться чьей-то смерти — это грех?

Лау кладет руку мне на плечо и притягивает меня поближе.

— Нет, — отвечает он. — В твоем случае это более чем оправданно.

Скиф выходит на озеро Алкмардермер, и мы проплываем деревню Акерслот. Лучи солнца пробиваются сквозь туман, растворяют серую завесу и приносят долгожданное тепло. Сильный ветер раздувает паруса и гонит лодку вперед по волнам. Вдали уже виднеются башни и стены Алкмара. И виселицы.

При виде зловещих столбов с болтающимися на них мертвецами меня передергивает. Я быстро отвожу глаза и вглядываюсь в лодки, снующие неподалеку от Акцизной башни.

Перед нами простирается сверкающая в свете солнца широкая гладь реки Зеглис. С обеих сторон по берегу люди идут в город, кто-то гонит перед собой нескольких свиней. Телеги трясутся и громыхают на кочках, какой-то бродяга еле успевает отскочить в сторону и не попасть под колеса.

Приблизившись к городской стене, шкипер швартуется. Мы с Лау поднимаемся на ноги и расплачиваемся. И вот уже идем по узкому деревянному мосту к Бревенчатому барьеру. Около Акцизной башни мы прощаемся:

у Лау назначена встреча в трактире на Пивной набережной.

Он смотрит на меня, будто хочет что-то сказать на прощание, но не может найти нужных слов.

— Ну что, сестра, желаю тебе счастья. Когда буду в городе, зайду тебя навестить.

Он прижимает меня к себе.

— Не забывай, что я тебе говорил.

Я целую брата в щеку и забираю у него свой мешок с вещами. Мы смотрим друг на друга, улыбаемся и расходимся в разные стороны. Обернувшись, я вижу, что он глядит мне вслед. Я машу ему и сворачиваю направо.

Еще чувствуя скованность от долгого вынужденного сидения и прижимая к груди свой мешок, я выхожу к Затопленной земле*. На этом канале почти нет свободного места от прамов** и плоскодонок, повсюду грузят и разгружают товары.

Я иду по знакомым улицам на другой конец города, где над крышами возвышается Большая церковь. Через портал с Хоровой улицы захожу внутрь и медленно иду по величественному главному нефу с колоннами, мимо витражных окон к алтарю. Там я сажусь на переднюю

* Затопленная земля (нид. het Verdrunkenoord) — улица и один из старейших каналов в Алкмаре. До начала строительства территории в этом районе была затоплена.

** Прам (нид. praam) — плоскодонное судно для перевозки сельскохозяйственных материалов и продукции, в том числе скота. Управляется при помощи шеста.

скамью и закрываю глаза. Какое-то время я сижу так, прислушиваясь к собственному дыханию и неровному биению сердца.

И только успокоившись, вновь открываю глаза. Тишина, застывшая меж белых арок и стен, действует на меня умиротворяюще.

Я благоговейно складываю руки. Молюсь я о том же, что и в деревенской церкви Де Рейпа, но ощущается это по-другому. Как будто здесь, под могучими каменными сводами, мою молитву лучше слышно. Поможет ли она, я не знаю, но пока не чувствую облегчения. Склонив голову, выхожу из церкви. На улице я зажмуриваю глаза от яркого света и не сразу решаюсь вновь влиться в городскую суету.

Неподалеку от Большой церкви находится трактир и постоялый двор «Тринадцать балок», которым владеют мои друзья. Брехта со своим мужем Мелисом не бедствуют, потому что их заведение путешественники видят первым, когда входят в город через Песчаные ворота. Это большое здание со ступенчатым щипцом и кованой вывеской, призывно покачивающейся на ветру.

Холодными, почти окоченевшими руками я открываю дверь и облегченно вздыхаю, почувствовав окутывающее меня тепло. В небольшом обеденном зале яблоку негде упасть. Через толпу сидящих и стоящих людей я протискиваюсь к стойке, за которой Мелис разливает пиво. Брехта только что отошла к столикам с двумя кружками пенистого напитка в руках.

— Мелис! — Я перегибаюсь к нему через стойку.

— Трейн, привет! Как здорово, что ты здесь! У нас тут сейчас многовато народу, так что чуть позже поговорим, ладно? — спрашивает он, перекрикивая шум.

Я киваю и оборачиваюсь, оттого что кто-то положил руку мне на плечо. Это Брехта, ее темные кудри выбились из-под чепца и обрамляют лицо. Она целует меня в щеку и говорит:

— Вот ты и приехала! Есть будешь?

— Не откажусь.

Брехта скрывается на кухне и возвращается с куском хлеба и миской густого супа. Мне удастся найти местечко за столом. Доев суп, я вижу, что в трактире стало поспокойнее, — и ко мне подсаживается Брехта с вопросом, как прошла поездка.

— Холодно и долго, — отвечаю я. — Лау тоже нужно было в город. Можно будет у вас переночевать? Я начинаю работать только с завтрашнего дня.

Лицо Брехты омрачается.

— Что случилось? У вас нет свободных мест? Ничего страшного, я могу пойти в «Голову мавра», — говорю я.

— Оставайся у нас сколько хочешь, но у меня для тебя дурные вести. Тот господин, что собирался взять тебя в услужение, Воллебрант Нординген, два дня назад скончался от недуга, что-то с легкими. Он, конечно, был уже не молод, но все же его смерть стала для всех неожиданностью.

Я даже не знаю, что на это ответить. Вот уж действительно дурная весть! И не только для господина

Нордингена — он показался мне приятным человеком, — но и для меня самой.

— Что же мне делать? Вещи я все продала, от аренды фермы отказалась.

— Купи или сними себе дом здесь и найди место.

— Придется, больше делать нечего. В любом случае возвращаться назад я не собираюсь.

— Мы тебе поможем, — говорит Брехта. — Пока не подыщешь себе жилье, оставайся у нас. А мы разузнаем, нет ли для тебя какой-нибудь работы. Трактир для этого — самое подходящее место.

Приятно осознавать, что я не осталась с этими трудностями один на один, но поначалу я не могу свыкнуться с мыслью, что все пошло не так, как я запланировала. К счастью, у меня достаточно денег, чтобы первое время не беспокоиться.

Подойдя, Мелис обнимает меня за плечи.

— Что-нибудь обязательно подыщешь, — говорит он. — Работы в Алкмаре полно.

Глава 3

Целую неделю я только и делаю, что ищу место. Обошла весь город, от богатых домов на Минте* до солеварен на Старом канале и пивоварни на Деревянной переправе. Сходила в Сиротский приют и примыкающую к нему шелкоткацкую мастерскую на Стрелковой улице, потом в монастырь Святой Екатерины и на всевозможные постоянные дворы и трактиры. Мне неважно, чем придется заниматься: уборкой, уходом за больными или быть на посылках; главное — найти работу.

В конце недели, разочарованная, я сижу в трактире напротив Брехты.

— Да уж, не думала, что будет так тяжело найти себе место, — говорю я. — Для мужчин работы достаточно, а вот женщине наняться куда-нибудь гораздо труднее.

— Может, тебе открыть собственное дело? Чем-нибудь торговать, например.

— И чем же? Горшками и кастрюлями? У вас и так весь город ими забит.

* Минте — улица в центре Алкмара. Название отсылает к нидерландскому слову *mient* (также *meent*), обозначающему общественные земли.

— Но ты же умеешь так красиво расписывать! И как жительница Алкмара получишь право начать собственное производство.

Я качаю головой.

— Это не так легко, как кажется, ты и сама знаешь. Мне придется идти в подмастерья, платить за учебу, делать пробную работу на звание мастера. И все равно это еще не значит, что меня возьмут в гильдию.

— Не так давно в гильдию Святого Луки приняли женщину, Изабеллу Бардесиус. Она сейчас работает как самостоятельный художник.

— Наверняка она из богатой семьи, которая смогла оплатить ее обучение. Нет, Брехта, если ты не учился, то тебя не возьмут. — Задумавшись, я смотрю перед собой. — Может, все-таки стоит согласиться на службу в Чумном бараке? Только там мне хоть что-то предложили.

— В Чумном бараке? Ты с ума сошла?

— Чумы-то все равно нет. Там сейчас лечат от других болезней.

— Столь же заразных и опасных. Я бы на такое согласилась лишь в крайнем случае.

— А это и есть крайний случай. Если я в ближайшем будущем ничего не найду, придется вернуться в Де Рейп.

Рядом с нами кто-то вежливо покашливает. У нашего стола стоит мужчина лет тридцати с русыми волосами до плеч:

— Привет, Брехта. Извини, что вмешиваюсь, но я случайно услышал ваш разговор.

— Маттиас, сколько лет, сколько зим! Как поживаешь? — Лицо Брехты расплывается в улыбке.

— Прекрасно, — отвечает он. — Я еду в Ден-Хелдер, и по пути нужно кое-что уладить в Алкмаре.

— Господин ван Нюландт — один из наших постоянных гостей, — объясняет мне Брехта.

Человек снимает шляпу и делает легкий поклон.

— Рад знакомству, — произносит он с любезной улыбкой.

Я киваю и называю свое имя. Маттиас усаживается напротив меня.

— Я не то чтобы случайно подслушал ваш разговор, — обращается он к Брехте. — О твоей подруге мне рассказал Мелис — и спросил, не могу ли я поспособствовать.

— И что? — сразу спрашивает Брехта.

— А я как раз могу. Моему брату требуется экономка. Вам это подойдет? — Маттиас вопросительно смотрит на меня.

— Не знаю. То есть... Да, думаю, что подойдет. Но вы ведь меня совсем не знаете, — смешавшись, говорю я.

— Вас знают Мелис и Брехта, этого достаточно. И Мелис очень хорошо о вас отзывался.

Меня охватывает сильное волнение.

— Место экономки — это здорово. А кто ваш брат и где он живет?

— Его зовут Адриан ван Нюландт. Живет он в Амстердаме.

В Амстердаме! Судя по всему, на моем лице отражается страх, потому что Маттиас внимательно смотрит на меня.

— Это препятствие?

— Так далеко! Я там никого не знаю...

Маттиас пожимает плечами.

— Не так уж это и далеко, а оказавшись там, вы обязательно с кем-нибудь да познакомитесь.

Я обмениваюсь взглядом с Брехтой, которая выглядит немного расстроенной.

— Это твой шанс, Трейн, — говорит она. — Раз уж здесь тебе работы не сыскать. Решай: либо Амстердам, либо Де Рейп.

Думаю я не слишком долго. Хоть мне и не хочется уезжать ото всех, кто мне дорог, другого выбора нет. Да так даже и лучше. По собственной воле я бы не уехала дальше Алкмара. Может быть, это моя судьба.

Маттиас уходит по делам, а когда возвращается в трактир, я подхожу к нему.

— Я решилась. Буду очень благодарна, если вы меня порекомендуете.

— Конечно, я напишу хорошее рекомендательное письмо. Но сначала нам стоит лучше познакомиться... Выпьешь со мной?

Мы садимся за столик в углу, и Маттиас заказывает графин вина.

— Расскажи-ка, почему ты уехала из деревни, — спрашивает он, наливая мне полную кружку.

И я рассказываю. О том, как всегда мечтала уехать в город, о той ярмарке в деревне, которая полностью изменила мою жизнь. О мертворожденном сыне и неожиданной смерти Говерта. Маттиас внимательно слушает.

— Стало быть, ты вдова, — резюмирует он, когда я заканчиваю. — Такая молодая. Жаль, что все так вышло.

— Ох, наш брак был не из счастливых. — Я гляжу перед собой, представляя, какой была бы моя жизнь, если бы Говерт не скончался. — Он меня бил. Сразу, как только поженились, а потом еще сильнее. Не знаю почему, никаких поводов к этому я не давала. Мы не ссорились, я ему не перечила, много работала. — Я хрипловато посмеиваюсь. — Я делала все, чтобы его не злить и не навлечь на себя его гнева, но он все равно меня бил. — В моем голосе сквозит обида, всплывающая каждый раз, когда я вспоминаю о тех побоях, и Маттиас смотрит на меня с участием.

— Бывают такие мужчины, — тихо произносит он. — Но мы не все одинаковы.

— Знаю... — отвечаю я со вздохом. — Беда в том, что этого никогда не поймешь заранее. А когда понимаешь, то уже поздно, ты замужем.

— В следующий раз, если до такого дойдет, тащи него-дя в суд. Ты же знаешь, что бить жену запрещено? Отношения между мужчиной и женщиной Господь задумывал по-другому.

— Ты женат?

— Нет, и не собираюсь. Я хочу путешествовать, пови-
дать мир. Работаю в конторе своего брата. Он торговец
и член правления Ост-Индской компании*. Самому ему
заниматься разъездами неохота, так что вместо него это
делаю я.

— И куда ты едешь?

— В основном в Италию и Норвегию, не дальний свет.
Но хотелось бы куда-нибудь подальше. На восток, в Китай
и Ост-Индию. Вот тебе разве никогда не хотелось узнать,
а что там, на другом конце мира? Какая там природа, как
там люди живут?

— С меня бы хватило увидеть, как живут люди за пре-
делами Де Рейпа и Алкмара, — отвечаю я, и он смеется.

Не знаю, в чем дело — может, в располагающей
манере говорить, может, в том, как собирается лучиками
кожа вокруг его глаз, когда он смеется, или в том, как
звучит его голос, — но я придвигаюсь к нему все ближе.
Он мне нравится. Очень нравится. И кажется, я ему тоже
нравлюсь, потому что он все время наклоняется и мимо-
ходом прикасается ко мне во время разговора. У него
очень живая мимика, и я не могу отвести от него глаз.

* Орган управления Голландской Ост-Индской компанией назы-
вался *Heren XVII* (нид. «Семнадцать господ») по числу член-
ов: восемь представителей от Амстердама, четыре от Зелан-
дии и по одному из Делфта, Роттердама, Хорна и Энкхёйзена.
Семнадцатый представитель назначался Зеландией и одной
из малых палат, чтобы у Амстердама не было большинства
голосов.

По телу проходит щекотная дрожь, как будто пузырьки воздуха разбегаются во все стороны под кожей.

Вечер переходит в ночь, и мир постепенно сужается до нашего стола, освещаемого трепещущим огоньком свечи. Уже перевалило за полночь, когда я предпринимаю попытку пойти спать. Маттиас вместе со мной поднимается по лестнице. Наверху он смотрит на меня вопросительно. От выпитого вина я потеряла благоразумие, и когда его губы прикасаются к моим, я не отворачиваюсь. Губы у него упругие и в то же время осторожные. Во мне пробуждается желание, и я обхватываю Маттиаса руками. В ответ он проводит рукой по моей спине, затем спускается ниже, а потом опять ведет рукой сбоку вверх.

И лишь когда он тянется к шнуровке моего корсета, я мягко, но решительно отталкиваю его. Он огорченно улыбается.

— Ты мне нравишься, Катрейн. — Его губы у самого моего уха. — Очень нравишься. Я рад, что мы встретились. Надеюсь, вновь увидимся в Амстердаме.

— Я тоже.

— Если вдруг мой брат окажется таким ослом, что не наймет тебя, передай через горничную, где тебя найти.

Я киваю и обещаю, что так и сделаю. Мы снова целуемся, сначала легонько, но потом все более и более страстно. Я опять чувствую, как отзывается мое тело, настолько сильно, что решаю прекратить и отступаю на шаг назад. Открываю свою дверь, улыбаюсь Маттиасу

на прощанье и захожу в комнату. Прежде чем я успеваю закрыть дверь, он посылает мне воздушный поцелуй.

— Увидимся в Амстердаме, — говорит он.

Когда на следующее утро я спускаюсь в обеденный зал, еще рано, но, к моему разочарованию, Маттиас уже уехал.

— Он спешил попасть в Ден-Хелдер. Вот, просил тебе передать. — И Мелис протягивает мне свернутый в трубочку лист бумаги.

Рекомендательное письмо. Я кручу его в пальцах.

— А больше он ничего не сказал?

— Сказал искать дом в начале Императорского канала* и что он надеется на скорую встречу.

Я немного умею читать: когда я была маленькой, пастор из Де Рейпа открыл читальный класс — он считал, что девочкам важно уметь читать, чтобы они, когда вырастут, могли учить своих детей Закону Божьему. Я бы многое отдала за то, чтобы узнать, что там в письме, но оно скреплено печатью.

— Вы вчера нашли общий язык, — полувопросительно говорит Мелис.

— Да, — с улыбкой соглашаюсь я. — И впрямь. — Притворившись, что не заметила любопытного взгляда Мелиса, я выбираю себе стол у окна.

Позавтракав хлебом с сыром, я прощаюсь с друзьями.

* Императорский канал (нид. de Keizersgracht) — канал в Амстердаме, названный в честь Максимилиана I, императора Священной Римской империи.

— Мои наверняка встревожатся, когда узнают, что я уехала из Алкмара, — говорю я, обнимая Брехту.

— Мы им всё объясним. Пиши, как только получишь место.

Я обещаю написать, прощаюсь с Мелисом и ухожу. По Длинной улице я выхожу на Минт и к рыбным прилавкам, где толпится куча народу и очень грязно. Пытаясь не поскользнуться на рыбных потрохах, я покупаю себе несколько селедок в дорогу. Потом иду в сторону Затопленной земли и, дойдя до берега Зеглис, не могу скрыть облегчения. Я, конечно, люблю городскую суматоху, но с непривычки мне тяжело.

Вскоре, порасспросив людей, я уже нахожу себе подходящий скиф.

— Но только дальше Харлема я не поплыву, барышня, — предупреждает шкипер. — Из Харлема нетрудно добраться до Амстердама, вы там сможете пересечь на трешкоут*.

О трешкоутах я уже слышала, но еще никогда на них не плавала, потому что в Алкмаре их нет. Шкипер уверяет меня, что сообщение отлажено идеально. У деревни Халфвег прорыт длинный прямой канал, по берегу которого легко может идти лошадь, тянущая за собой трешкоут.

* Трешкоут (нид. trekschuit) — речное судно, которое приводилось в движение лошадью, идущей по берегу, и достигало скорости 7 км/ч. Сообщение по специальным каналам, треквартам, было регулярным, а оплата фиксированной.

— До самого Амстердама, — добавляет шкипер.

Я плачу ему те несколько стюверов, которые он просит, передаю ему в руки свой мешок с одеждой и сажусь в лодку. Нахожу себе место между корзинами и ящиками и уютно устраиваюсь на одном из одеял, подготовленных шкипером специально для пассажиров.

Кутаясь в плащ и натянув почти на самые глаза капюшон, я наблюдаю, как Алкмар остается позади. Я еще никогда не уезжала от дома дальше, чем сейчас, и не могу представить, что ждет меня в Амстердаме. Но я знаю лишь то, что отныне мне не на кого рассчитывать, кроме как на саму себя.

Глава 4

Дорога в Харлем занимает весь день. Лишь миновав Бевервейк, откуда мы выплыли на озеро Вейкермер, скиф быстро продвигается вперед. Оставив позади Спарндам, мы вновь долго преодолеваем шлюзы и каналы; радуется только то, что Харлем уже видно. День клонится к вечеру, и я чувствую себя изможденной. Когда лодка причаливает у Замкового моста, я с трудом встаю на ноги и схожу на набережную. Шатаясь от усталости, захожу в первый попавшийся трактир. К счастью, у них есть свободная койка. А то, что придется спать в одной комнате с другими постояльцами, меня сейчас не беспокоит.

Сидя за столом в обеденном зале, разомлев от тепла и горячей еды, я наконец-то начинаю приходить в себя. Краем глаза замечаю, что на меня пялятся какие-то мужчины. Стараясь не встречаться с ними взглядом, я пытаюсь выглядеть как можно более неприступной, что легко удается при моей-то усталости. К счастью, они быстро теряют ко мне интерес. Ближе к ночи разгул пирующих нарастает, но к тому времени я уже лежу в закрытом алькове*.

* Альков — спальное место в стенной нише, закрывающееся дверцами или шторками.

Несмотря на то, что день выдался таким длинным, я долго не могу заснуть. Лежа с закрытыми глазами, слушаю храп и дыхание соседей по комнате и шум, доносящийся из харчевни. Я думаю о своих родных, и вдруг в памяти всплывают картинки из раннего детства.

Ребенком я однажды чуть не утонула. Штормовой северо-западный ветер пробил Ватерландскую морскую дамбу, а затем и плотину вокруг Бемстера. Погибло много людей и скота, глинобитные фермы с тростниковыми крышами снесло потоком воды. Расположенный на возвышении центр Де Рейпа стихия пощадила, но даже богатые и именитые жители деревни не смогли, что называется, выйти сухими из воды.

Когда произошло это наводнение, мне было всего пять лет, и детали случившегося известны мне только по рассказам. Но я хорошо помню, какой беспомощной себя чувствовала, когда крыша нашего дома, на которую мы забрались всей семьей, обрушилась и нас увлекла за собой вода. Плавать я не умела, но мне бы это и не помогло. Как только море начало отступать, неумолимый отлив утащил за собой всех. Те, кому не посчастливилось намертво вцепиться во что-нибудь, пропали. Меня выудил из волн и затащил на борт скифа сосед. Родителям и братьям удалось спастись. Алтье и Йоханна, мои старшие сестры, утонули.

Едва забрезжил рассвет. Я уже не сплю, но тихо лежу и вновь думаю о своей семье. Прочие постояльцы выбирают из своих альковов. Слышно, как они зевают

и желают друг другу доброго утра. Кое-кто тихо переговаривается.

Я тоже встаю и начинаю не спеша одеваться: льняная рубаха, юбка, фартук, корсет, жакет, платок на плечи и чепец. Время от времени поглядываю в окно. Несмотря на ранний час, на набережной уже полно народу. Грузовые и пассажирские суда отплывают с первыми лучами солнца.

Я собираю в мешок свои вещи. Письмо Маттиаса лежит среди одежды — при взгляде на него я улыбаюсь. Если получу место в доме его брата, то вновь увижусь с Маттиасом. Чуть приободрившись при мысли о переезде в Амстердам, я расправляю плечи. Если потороплюсь, успею на первый трешкоут.

По сравнению со вчерашней поездкой сегодняшнее плавание до Амстердама сущий пустяк. До него не только ближе, но и трешкоут гораздо удобнее, чем открытый скиф, на котором я добиралась из Алкмара. Здесь есть каюта со скамьями, где пассажиры могут укрыться от непогоды. Так как от ветра мы не зависим, то и движемся с постоянной скоростью. Вдоль маршрута много трактиров, где можно сменить лошадь и подкрепиться. Харлемский канал-трекварт* по прямой ведет в Амстердам, по польдерам, мимо мельниц и ферм.

* Трекварт (нид. *trekvaart*) — судоходный канал, по которому ходили суда на конной тяге. Такой способ передвижения имел фиксированную оплату за проезд и регулярное расписание.

Иногда я выхожу из каюты, чтобы подставить лицо свежему ветерку и солнечным лучам и полюбоваться красотой облаков на небе и пастбищ по обе стороны от канала. По дамбе вдоль него бредут молочницы и коровейники, проезжают люди верхом и в телегах. Бывает, кто-то из них машет мне, тогда я с улыбкой машу в ответ.

Однако по мере приближения к Амстердаму страх возвращается. Я много слышала об этом городе, о его размерах, о том, какой он шумный, и невольно задаю себе вопрос: а место ли там мне, простой деревенской женщине?

Когда перед глазами возникают высокие стены, моя неуверенность сменяется радостным волнением. С замиранием сердца я смотрю на крутящиеся крылья ветряных мельниц, возвышающихся на бовльверках*.

На подступах к городу и на воде царит такое столпотворение, будто в Амстердам съехалось полмира. В заливе Эй некуда плюнуть от лихтеров**, прамов, судов регулярных рейсов и рыбацких лодок. В стороне, за рядом свай, ограждающих порт, стоят на якоре торговые суда, их транцы*** блестят на солнце. Последний отрезок пути

* Бовльверк (нем. bollwerk) — инженерное гидротехническое сооружение, предназначенное для защиты морского берега от разрушающего действия волн.

** Лихтер (нид. lichter) — до XIX в. маленькое парусное плоскодонное судно для разгрузки и догрузки крупных судов на мелководье.

*** Транец — тип «срезанной» кормы.

Содержание

Глава 1.....	5
Глава 2.....	13
Глава 3.....	22
Глава 4.....	32
Глава 5.....	41
Глава 6.....	52
Глава 7.....	60
Глава 8.....	69
Глава 9.....	75
Глава 10.....	83
Глава 11.....	91
Глава 12.....	98
Глава 13.....	104
Глава 14.....	110
Глава 15.....	117
Глава 16.....	123
Глава 17.....	131
Глава 18.....	138
Глава 19.....	143
Глава 20.....	150
Глава 21.....	159
Глава 22.....	165
Глава 23.....	174

Глава 24.....	182
Глава 25.....	188
Глава 26.....	194
Глава 27.....	203
Глава 28.....	210
Глава 29.....	217
Глава 30.....	227
Глава 31.....	236
Глава 32.....	243
Глава 33.....	251
Глава 34.....	259
Глава 35.....	266
Глава 36.....	272
Глава 37.....	278
Глава 38.....	288
Глава 39.....	297
Глава 40.....	303
Глава 41.....	309
Глава 42.....	316
Глава 43.....	325
Глава 44.....	331
Глава 45.....	337
Глава 46.....	342
Глава 47.....	349
Глава 48.....	357
Послесловие.....	363
Благодарности.....	367